

О МНИМО-ДУХОВНОМЪ ХРИСТІАНСТВѢ

ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА ЦЕРКВИ.

Духовное такъ свойственно Христіанству, что Апостоль Павелъ Новозавѣтное устройство Церкви, совершившееся при посредствѣ св. Апостоловъ, называетъ *служеніемъ духа* (2 Кор. 3, 8.) и самое Евангеліе противопоставляетъ Ветхозавѣтному Закону, какъ животворящій духъ убивающей буквѣ или письмени (тамъ же 9, 7.). И мы сами можемъ войти въ силу и духъ Евангелія не иначе, какъ чрезъ внутреннее, въ силѣ Св. Духа усвоеніе того, что возвѣщается Имъ, а безъ сего нѣтъ и не можетъ быть и истиннаго Христіанства. Посему мы должны, во первыхъ, исполняться познаніемъ воли Божіей *во всякой премудрости и разумъ духовнѣмъ* (Кол. 1, 9.); вниманіе Слову Божію у насъ должно быть таково, чтобы входить намъ своимъ духомъ въ благодатный духъ и жизнь, выражающіеся въ Словѣ Божіемъ (Іоан. 6, 65.). О духовномъ, каково Слово Божіе, должно и

разсуждать духовно, поелику, по слову Апостола, что происходитъ отъ Духа Божія, то можетъ быть и понимаемо только духовно (Кор. 3, 13—15.). Потомъ по духу истиннаго Христіанства, всѣ вѣрующіе должны представлять въ себѣ не одно внѣшнее видимое общество, но и внутреннее, духовное, должны устроить изъ себя во Христѣ *храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны* (1 Петр. 2, 5.). Всѣ священнодѣйствія христіанскія, для благодатнаго дѣйствованія на насъ, требуютъ отъ насъ вѣры, подъ видимыми образами созерцающей въ нихъ и усвоющей себѣ невидимый благодатный духъ и силу (Іоан. 6, 63. см. 53—57.). И вообще, чтобъ быть истинными Христіанами, намъ нужно всегда *ходить по духу* (Рим. 8, 1.) или *духомъ* (Гал. 5, 16.) и *служить Богу духомъ* (Рим. 1, 9. Филип. 3, 3.); мы тогда только и достигнемъ истиннаго христіанскаго совершенства, когда будемъ истинно-духовными (1 Кор. 3, 1. 14, 37. Гал. 6, 1.).

Но нѣтъ столь священной истины, изъ которой бы нечестіе развращенныхъ людей не сдѣлало злоупотребленія. Такимъ образомъ, какъ изъ истинной ревности о твердомъ храненіи священныхъ уставовъ Церкви нѣкоторые изъ несчастныхъ отщепенцевъ отъ Церкви сдѣлали изувѣрное побораніе по одной мертвой

буквъ мнимостаринныхъ уставовъ и правилъ церковныхъ, такъ и отъ истинной христіанской духовности многіе уклонились и уклоняются къ ложной духовности, къ мнимо-духовному христіанству. Изъ сектантовъ, отдѣлившись отъ Церкви въ нашемъ отечествѣ къ поборникамъ ложной духовности или мнимо-духовнаго христіанства принадлежатъ: *Духоборцы, Молоканы, Хлысты и Скопцы*. Стремленіе къ самомнимой духовности они выразили самымъ названіемъ своимъ: ибо сами себя они обыкновенно называютъ *духовными христіанами* (Молоканы и Хлысты), *духовниками* (Хлысты), *духовными братьями* (Скопцы), *избранными людьми Божиими* (Хлысты) и *сынами Божиими* (Духоборцы). Отъ другихъ сектантовъ они отличаются тѣмъ, что отступаютъ отъ Церкви не въ частныхъ какихъ нибудь догматахъ, но почти въ цѣломъ составѣ своего ученія и въ направленіи почти всей своей духовной жизни. Но основной характеръ ихъ, бывшій главною причиною всѣхъ ихъ заблужденій, составляетъ то, что обозначили мы наименованіемъ мнимо-духовнаго христіанства или мнимой духовности. Эта мнимая духовность ихъ въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ *духовная гордыня* или чрезмѣрное превозношеніе дарами духа, естественными или мнимоблагодатными, съ пре-

небреженіемъ ко всему, выходящему изъ области внутреннихъ дѣйствій духа. Они, большею частію, съ презрѣніемъ смотрятъ на все виѣшнее въ вѣрѣ и благочестіи. При мнимомъ, внутреннемъ просвѣщеніи свыше, они не хотятъ нуждаться въ буквѣ Писанія и свободно даютъ ему тотъ или другой смыслъ, не стѣсняясь противорѣчіемъ сему прямого, истиннаго смысла. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно отвергли все содержаніе Писанія, или превратили его въ одни внутреннія явленія духа (1). Церковь, по мнѣнію сихъ сектантовъ, есть только невидимое общество, соединенное однимъ внутреннимъ единеніемъ духа. При одностороннемъ стремленіи къ духовному, они отвергли Св. Таинства, равно какъ и всѣ другія православныя священнодѣйствія и обряды. Богоучрежденную Иерархію они или замѣнили своимъ измышленнымъ чиновначаліемъ, или также отвергли. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ отвергаютъ всякое подчиненіе какимъ либо опредѣленнымъ законамъ, относя сіе къ недостатку совершенства (2); всѣ же вообще извра-

(1) Иларіонъ Побирохинъ, извѣстный Духоборецъ Тамбовской губерніи, отвергалъ Библию (которую онъ, по свойственной ему грубости, называлъ Хлопотницею), личное бытіе Бога и всѣхъ духовъ.

(2) Церковь и законъ, гже мудрствуютъ Хлысты, ни къ чему обязать насъ не могутъ; ибо мы достигли уже духовнаго совершенства.

щаютъ истинную христіанскую нравственность: то тирански мучаютъ свое тѣло, признаваемое ими, по самому существу своему, за темницу души и причину всѣхъ страстей, то съ презорствомъ предаются всѣмъ постыднымъ плотскимъ страстямъ.

Если вообще ложь нигдѣ не открывается въ такой наготѣ, какъ въ своей исторіи, въ пагубномъ всегда вліяніи своемъ на жизнь человѣка,—то особенно исторія можетъ обличить ложь мнимо-духовнаго христіанства. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что никакія другія ереси не производили такихъ пагубныхъ послѣдствій въ жизни ихъ приверженцевъ, какъ ереси мнимо-духовныя.—Исторія Русскихъ мнимо-духовныхъ сектъ мало извѣстна,—потому что онѣ не такъ еще давно явились, и тщательно скрываютъ настоящую жизнь свою, подъ личиною благочестія. Но всѣмъ хорошо извѣстенъ нечистый источникъ ихъ и пагубные плоды ересей, отъ которыхъ произошли ихъ ереси. Первое появленіе сихъ ересей въ Россіи со времени переселенія къ намъ иностранцевъ и нѣкоторые опыты совращенія Русскихъ иностранными сектантами показываютъ, что Русскіе поборники мнимои духовности ведутъ начало свое непосредственно съ Запада,—отъ мнимо-духовныхъ сектъ, порожденныхъ своевольнымъ

преобразованіемъ Латинской Церкви въ шестнадцатомъ столѣтїи (3). Но первоначальный источникъ мнимо-духовныхъ сектъ, какъ Западныхъ, такъ и Русскихъ, скрывается гораздо далѣе—въ древнѣйшихъ временахъ Церкви.— Такимъ образомъ, чтобы показать нашимъ заблуждающимъ братіямъ, какими пагубными началами они увлекаются, мы намѣрены изобразить исторію древнихъ мнимо-духовныхъ сектъ, отъ которыхъ происходятъ наши секты. Поразительное сходство, какое во многомъ представляютъ древнія секты этого рода съ нашими, должно служить для нихъ вѣрнымъ ручательствомъ, чего ожидать имъ отъ мнимой духовности и какъ гибельный путь, на который они вступили.

Мнимая духовность существовала съ первыхъ временъ Христіанства въ разныхъ сектахъ, отпадшихъ отъ Церкви. Какъ болѣзнь духа, она легко заражала больныхъ духомъ; но такъ же, какъ болѣзнь, всегда отвергаема была Церковію, при первомъ появленіи.

Начало пагубныхъ заблужденій этого рода восходитъ ко временамъ Апостольскимъ. Основною своеволію ревнителей мнимой духовности послужило истинное ученіе о духовной свободѣ,

(3) См. Исторію Русской Церкви Пр. Филарета. Періодъ пятый. 80—90 стр. Москва. 1848.

которое въ первый разъ возвыщено было Христіанствомъ. Несогласная съ Христіанствомъ мнительность и неправильная привязанность къ закону Христіанъ изъ Іудеевъ обличены были самими Апостолами; но мнимые ревнители духовной свободы (большіею частію изъ обращенныхъ язычниковъ), отвергая всякую мнительность и привязанность къ закону, не хотѣли знать уже никакого закона. *Вся мнимость суть* (1 Кор. 10, 23.), *все разумъ* (γνώσις *вѣдѣніе*) *и мнимость* (8, 1.), твердили они, съ кичливостію взирая на тревожную мнительность и рабство закону братьевъ своихъ изъ Іудеевъ.—Св. Апостолъ Павелъ внушалъ такимъ Христіанамъ, въ обличеніе ихъ уметвовацій, имѣть больше любви къ своимъ братьямъ, потому что хотя все возможно Христіанину, *но не вся на пользу, не вся надеются* (10, 23); хотя всемъ Христіанамъ преподано метивное вѣдѣніе, *но разумъ* (γνώσις *вѣдѣніе*) *кичится, а любви созидаетъ* (8, 1.). Кичливый же разумъ не только не смирился, но не хотѣлъ останавливаться и на этомъ заблужденіи; отъ заблужденія въ жизни онъ скоро перешелъ къ настоящему лжеученію. Въ посланіяхъ къ Колоссаемъ, Ефесеемъ, къ Тимофею и Титу Апостолъ Павелъ часто обличалъ въ развращенныхъ Христіанахъ скверныя сцесловія и прекословія *лжеименнаго разума*.

Отд. IV. 3

(ψευδώνυμος γνώσις, вѣдѣніе, ложно такъ называемое 1 Тим. 6, 20), скверныя тщеласія и прельщенія ложной философіи, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу.—Ревнителю ложной свободы тѣмъ легче могли усвоить себѣ прельщенія ложной философіи или ложныя преданія человѣческія, чѣмъ свободнѣе вообще усвоили они всѣ заблужденія общественной жизни.—Извѣстная религіозная философія, которою наиболѣе увлекались Христіане того времени, перешла къ нимъ отъ язычествующихъ Іудеевъ. Она извѣстна была подъ именемъ символической философіи (φιλοσοφία διὰ συμβόλων) и состояла въ произвольномъ иносказательномъ или таинственно—символическомъ толкованіи Писанія (4). Отъ сей-то философіи, по преданіямъ человѣческимъ, произошли тѣ *буи стязанія и свары законныя* (споры о законѣ Тит. 3, 9. см. 1 Тим. 1, 7.), тѣ *басни и безконечныя родословія* (1 Тим. 1, 4.), которыя обличалъ Апостоль въ ложныхъ Христіанахъ (5).

(4) Такой философіи держались Александрійскіе Іудеи, (представителемъ коихъ можно назвать ученаго Филона,) и двѣ аскетическія секты Іудейскихъ Мистиковъ—Ферапетовъ и Ессеевъ.

(5) Въ этихъ заблужденіяхъ слѣды языческой философіи, перешедшей потомъ къ Гностикамъ, видятъ Св. Ирмей и Тертуліанъ.

Ея же начала могли заставить другихъ хвалиться мнимыми дарами пророчества или непосредственныхъ откровенийъ свыше (Апок. 2, 20) и вѣдѣніемъ какихъ-то таинственныхъ глубинъ, которыя однако Самъ Сынъ Божій называетъ *сатаниными* (24) (6).—Символическое или мнимо-духовное толкованіе Писанія заставляло также видѣть иносказаніе въ томъ, чему не хотѣлось вѣрить въ собственномъ смыслѣ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ смыслѣ Именей и Филить говорили, что воскресеніе мертвыхъ уже было, и тѣмъ, по словамъ Апостола, *возмущали вѣру нѣкоторыхъ* (2 Тим. 2, 18) (7).—Другіе, по ложному стремленію къ одному духовному и по презрѣнію ко всему чувственному, не хотѣли признать и во Христѣ истинной плоти, и потому отвергали тайну Его воплощенія (8). Евангелистъ Іоаннъ сви-

(6) См. св. Григорія Двоеслова Нравств. кн. V гл. 18. Викентія Леринскаго кн. противъ ересей.

(7) Такъ разумѣютъ ученіе сихъ еретиковъ св. Епифаній, св. Амвросій, Θεодоритъ и Θεофилактъ.

(8) Только по связи съ мнимою духовностію докетизмъ и могъ сохраниться до настоящихъ временъ. Его проповѣдывали извѣстные основатели молоканства Семень Уклеинъ и Семень Далматовъ, которые учили, что Христосъ пришелъ съ неба плоть, не похожую на нашу. Подобнымъ образомъ у Молоканъ и Духоборцевъ образовалось ученіе о томъ, что воскресенія мертвыхъ не будетъ, или будетъ только духовное, а у Хлыстовъ и Скопцовъ произошло вѣрованіе въ таинственную смерть и воскресеніе.

дѣтельствуеть о семъ, какъ объ отверженіи Христіанства,—такъ какъ пріятіе истиннаго естества человѣческаго Сыномъ Божиимъ есть основаніе домостроительства нашего спасенія: *всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть: и сей есть Антихристовъ, еможе слышасте, яко грядетъ, и нынѣ въ міръ есть уже* (1 Іоан. 4, 3. сп. 2 Іоан. 7.).—Въ нравственномъ отношеніи мнимо-духовная свобода, заставлявшая говорить *вся ми лть суть*, могла вести только къ своеволію, къ пренебреженію всѣми ограниченіями нравственныхъ законовъ. Тогда какъ многіе изъ вѣрующихъ Іудеевъ, по излишней мнительности, боялись позволить себѣ что-либо самое естественное, бывшее въ употребленіи у язычниковъ, проповѣдники ложной свободы не боялись участвовать въ томъ, что относилось къ самому идолослуженію, публично вкушали идоложертвенныя мяса и безъ смущенія ходили въ идольскія капища на жертвенныя пиршества (1 Кор. 8, 10).—Другіе, отвергая воскресеніе мертвыхъ, съ глумленіемъ вопрошали; *идѣ есть обѣтованіе пришествія Его*, и богохульствовали безбоязненно, *по своимъ похотехъ ходяще* (2 Петр. 3, 3. 4). Тайнозритель Іоаннъ говоритъ о лжеучителяхъ, которые, выдавая себя за пророковъ и испи-

тателей мнимыхъ глубинъ, учили и льстили рабы (Божіи) любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую (Апок. 2, 20). Онъ называетъ ихъ Николаитами, послѣдователями Валаама и Іезавели. Наконецъ, Апостолъ Іуда обличалъ такихъ еретиковъ, которые, предаваясь разврату, скверня плоть, господства отъметались, славы же хуляще не трепетали (Іуд. 8), то есть, какъ объясняютъ Св. Отцы и Учители Церкви, презирали всякую земную власть и самыхъ небесныхъ Ангеловъ (9).—Но та же ложная свобода, которая однихъ вела къ необузданной вольности, другихъ приводила къ суровому нехристіанскому аскетизму. По началамъ ложной философіи, по заповѣдемъ и ученіемъ чловѣческимъ, возвышая духъ до ложной высоты и унижая тѣло, какъ мнимый источникъ всѣхъ золъ, послѣдніе поставляли особенный подвигъ святости и премудрости въ самовольной службѣ и смиренномудріи и непощадѣніи тѣла, не въ чести коей, какъ говоритъ Апостолъ, къ сытости плоти (Кол. 2, 22. 23. св. 2. 18). Такъ какъ основаніемъ такого самозвольнаго смиренномудрія была не христіанская заповѣдь о воздержаніи, а отрицаніе того, что Богъ есть Творецъ всѣхъ благъ земныхъ, дан-

(9) Св. Епифаній и Климентъ Александрійскій.

ныхъ вѣрнымъ для наслажденія съ благодареніемъ: то Апостоль Павель ложные подвиги еретиковъ называетъ *внушеніемъ духовъ лестныхъ и ученій бѣсовскихъ* (1 Тим. 4, 1—3). *Зане, говоритъ онъ, всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отменно, со благодареніемъ приеменно (4).*

Такъ мнимо-духовное Христіанство въ главныхъ чертахъ своихъ обозначилось еще во времена Апостольскія и тогда же самими Апостолами обличено было, какъ отступленіе отъ здраваго ученія. Но, по предсказанію самихъ Апостоловъ, еретики все болѣе и болѣе должны были преуспѣвать въ нечестіи и лжеученіи ихъ должно было распространяться, какъ ракъ (болѣзнь) на здоровомъ тѣлѣ (2 Тим. 2, 16. 17). Если вообще по нечестію уклонившіеся отъ прямаго пути вѣры съ трудомъ возвращаются на него снова, то тѣмъ труднѣе это для людей, оставляющихъ послушаніе вѣрѣ по духовной гордости. Чѣмъ ясенѣе обличается ихъ ложь, тѣмъ упрямѣе становятся они въ своихъ убѣжденіяхъ. Обличаемые очевидными основаніями, они указываютъ на внутреннія, на просвѣщеніе свыше, котораго будто они одни удостоиваются.

Но «гдѣ грѣхъ, говоритъ одинъ писатель первенствующей Церкви, тамъ многообразіе, тамъ расколы, раздѣленія, несогласія, какъ,

напротивъ, гдѣ добродѣтель, тамъ единство, тамъ согласіе ⁽¹⁰⁾.» Съ своеволіемъ духа не совместна покорность одному ученію. Предполагая въ себѣ чрезвычайныя духовныя дарованія и измѣряя все по своимъ мыслямъ и чувствамъ, мнимо-духовные не могутъ подчиняться ничьему сужденію. «Они всѣ, говоритъ Тертуліанъ, думаютъ быть мудрыми и лучше хотятъ учить, чѣмъ учиться ⁽¹¹⁾,» а по словамъ св. Иринея, «они только себя и выдавали за образецъ истины ⁽¹²⁾,» и «не хотѣли никого считать совершеннымъ, кто не изобрѣтетъ новой лжи ⁽¹³⁾.» Поэтому они никакъ не могли согласиться и между собою. Чему училъ одинъ, того не принималъ другой, потому что не видѣлъ достаточной, положительной основы для своего убѣжденія, и самъ водился тѣмъ же мнимымъ просвѣщеніемъ свыше, какимъ водился и тотъ,—то есть, также увлекался однимъ темнымъ чувствомъ или мечтами разгоряченнаго воображенія. Отъ того у еретиковъ этого рода сколько умовъ, столько новыхъ лжеученій. Только грубое невѣжество могло около извѣстныхъ лжеучителей собирать толпы приверженцевъ, которые не будучи въ состоя-

(10) Ориген. толков. на Іезек. бесѣд. VII.

(11) О прещеніяхъ еретиковъ.

(12) О ересахъ кн. III. гл. 2. § 1.

(13) Кн. I. гл. 18. § 1.

ни сами изобресть новаго лжеученія, слѣпо держались мнимаго авторитета лжеучителя.— Но главному направленію своему всѣ мнимо-духовныя секты древнихъ временъ могутъ быть раздѣлены на два разряда, смотря потому, что наиболѣе составляло предметъ ихъ духовной гордости,—мнимыя ли совершенства ума, или совершенства чувства и воли. Ибо тогда какъ одни изъ нихъ все совершенство человѣка составляли въ вѣдѣніи, для нихъ однихъ доступномъ, другіе болѣе хвалялись кѣкимъ-то мечтательнымъ общеніемъ съ Богомъ, гдѣ дѣятельность ума подавлялась преобладаніемъ чувства. Къ первому разряду мнимо-духовныхъ сектъ можно отнести, какъ болѣе важныя, секты Гностиковъ, Манихеевъ и Павлякіанъ, ко второму—Монтанистовъ, Евстазіанъ, Евхитовъ и Богомиловъ (14).

Св. Иринеи и Тертуліанъ, главные обличители гностическихъ заблужденій, видятъ въ нихъ продолженіе тѣхъ лжеученій, которыя обличали Апостолы. Въ самомъ дѣлѣ, если въ лжеученіяхъ временъ Апостольскихъ не видимъ всѣхъ заблужденій, которыя распространяли потомъ Гностики, то не можемъ не

(14) Это различіе между мнимо-духовными сектами сохранилось донынѣ въ русскихъ сектахъ. Къ первому разряду между русскими сектами преимущественно нужно отнести Духоборцевъ, ко второму—Сконцевъ.

видѣть въ нихъ духа и направленія, которыя вели къ гностицизму. Кичливое вѣдѣніе (*γνώσις*, разумъ), которое Апостоль Павелъ обличалъ въ современныхъ ему лжеучителяхъ, составляетъ существенный характеръ гностицизма. Не понимая, что такое благодатное чувство вѣры, Гностики не хотѣли знать никакихъ другихъ основаній для вѣры, кромѣ обыкновенныхъ доводовъ естественнаго ума, или мечтаній воображенія, выдаваемыхъ за внутреннія откровенія. Простая благодатная вѣра сердца, какой держится большинство Христіанъ (*πίστις τῶν πολλῶν*), имъ казалось однимъ слѣпымъ довѣріемъ къ другимъ. Выдавая себя за единственно мудрыхъ и знающихъ людей (*γινώσκοντες, γνωρίζοντες*), они хотѣли изслѣдованіями ума и мечтами воображенія наполнить внутреннюю пустоту души своей; выдавали мечты свои за сверхъестественныя тайны и, не отдѣляясь внѣшно отъ Церкви, въ лонѣ ея самой хотѣли основать родъ таинственнаго (такъ называемаго у нихъ, Эсотерическаго) ученія, доступнаго будто посвященнымъ только въ ихъ тайны.— Но «надымаясь гордостію, еретики, по справедливому замѣчанію св. Кипріана, самымъ надменіемъ ослѣпленные, только теряютъ свѣтъ истины (15).» При мнимомъ разумѣніи

(15) Пшем. 31.

непостижимыхъ тайнъ Боговѣдѣнія, они на самомъ дѣлѣ почти совсѣмъ забыли истинное откровеніе и сдѣлали изъ своихъ вѣроученій одни баснословія языческія. Здѣсь мы видимъ платонизмъ Филона, вѣроученія Зороастра и Будды и Каббалу позднѣйшихъ Іудеевъ. Христіанское ученіе объ искупленіи у Гностиковъ послужило какъ бы для того только, чтобы дать связный видъ разнороднымъ лжеученіямъ, вошедшимъ въ составъ гностицизма.

Привязанность къ языческимъ понятіямъ естественно могла быть у тѣхъ, которые вступали въ Христіанское общество, не отринувши напередъ языческой гордости. Въ гностицизмѣ, по внѣшнему составу его, мы видимъ продолженіе языческаго суевѣрія подъ видомъ лжеименнаго вѣдѣнія, съ примѣсью искаженныхъ истинъ Христіанскихъ. Но какъ языческія суевѣрія не вездѣ были одинаковы, то тамъ, гдѣ были свои суевѣрія, и гностицизмъ являлся въ своемъ особенномъ видѣ. Особенно различаются между собою гностическія секты въ Египтѣ и Сиріи. Отличительнымъ характеромъ Египетскихъ сектъ служитъ ученіе о чувственномъ истеченіи твари изъ существа Божія (эманатизмъ), съ значительною примѣсью платоническихъ понятій. У Сирскихъ гностиковъ, напротивъ, господствуетъ ученіе о двухъ противоположныхъ и взаимновраждебныхъ нача-

лахъ, добромъ и зломъ,—которыя, послуживъ въ началѣ образованію міра и доселѣ продолжаютъ взаимно противоположное вліяніе на жизнь его (дуализмъ). Извѣстнѣйшіе по своему ученію Египетскіе гностики были: Карпократъ, Василидъ, Валентинъ и Офиты; Сирскіе—Сатурнинъ, Вардесанъ, Татіанъ и Маркіонъ.

Происхожденіе Христіанства въ лонѣ Иудейской Церкви также имѣло свое вліяніе на содержаніе гностическихъ лжеученій. Гностицизмъ выродился изъ борьбы ложно понятой Христіанской свободы съ рабствомъ Иудейскимъ; посему всѣ гностическія секты въ существѣ своемъ болѣе или менѣе уклоняются отъ Иудейства. Но по той же ложной свободѣ, которая мнимыхъ Христіанъ изъ язычниковъ удержала при понятіяхъ языческихъ, обращенные Иудеи хотѣли держаться Иудейства, давши ему только мнимо-духовное толкованіе. Иудействующіе гностики были также врагами Иудейства,—только такого, какого держались строго Иудействующіе. Такимъ образомъ Иудействующіе гностики, державшіеся большей части Иудейскихъ мнѣній, и Гностики, враги Иудейства, видѣшіе въ немъ учрежденіе низшаго, враждебнаго Богу, духа, существенно различались между собою. Къ первымъ относятся: Симонъ волхвъ, Керинѣъ и Египетскіе гностики—Васи-

лидъ и Валентинъ; къ послѣднимъ—Сирскіе гностики: Сатурнинъ, Офиты и др.

Сущность гностическаго лжеученія составляло изслѣдованіе о происхожденіи міра, о причинѣ зла въ мірѣ и возстановленіи всего въ истинное, свойственное каждому существу, состояніе, то есть, изслѣдованіе о томъ, что необходимо входитъ и въ составъ истиннаго Христіанскаго ученія. Но тогда какъ православное ученіе о сихъ предметахъ, какъ таинственныхъ, усвоится вѣрою, плѣняющею въ свое послушаніе и умъ, и сердце съ воображеніемъ, и волю нашу, Гностики самую вѣру насильственно плѣняли въ послушаніе своему гордому уму и мечтательному воображенію. Не признавая границъ человѣческому вѣдѣнію, они не хотѣли видѣть въ сихъ предметахъ никакой тайны, ничего такого, чего бы они не могли понять и уяснить себѣ; чего нельзя уяснить изслѣдованіями мыслящаго ума, то не затруднялись уяснять себѣ мечтами воображенія. Такъ, вопреки прямому слову Апостола, что именно *вѣрою разумѣваемъ совершитися въ комъ, или всему временному, глаголомъ Божиимъ* (Евр. 11, 3), Гностики олицетворили самыя *вѣки* (αἰῶνας) или Эоны, и мечтою о нихъ возмнили разгадать почти всѣ тайны Божіи, проводя эту мечту объ эонахъ чрезъ все свое

въроученіе.—Начнемъ разсмотрѣніе онаго съ ученія Гностиковъ о происхожденіи міра.

Въ какой странной смѣси съ язычествомъ ни представляется ученіе Гностиковъ о происхожденіи міра, нельзя однако не замѣтить, что въ основѣ его лежитъ то же одностороннее, гордое увлеченіе духовнымъ съ презрѣніемъ ко всему чувственному, которое составляетъ сущность всѣхъ подобныхъ лжеученій ⁽¹⁶⁾. Міръ духовный Гностики возвышали надъ вещественнымъ большею частію до враждебной противоположности одного другому, какъ вѣчныхъ царствъ добра и зла. Происхожденіе перваго они объясняли такимъ образомъ. Богъ, говорили они, какъ Существо высочайше духовное, не можетъ имѣть никакого соприкосновенія или соотношенія съ видимымъ, чувственнымъ міромъ. Посему отъ Него могли истечь только существа подобно Ему духовныя; и—дѣйствительно отъ Него истекли многіе *Эоны* чрезъ постепенное рожденіе одного отъ другаго. Эоны

(16) Связь ученія о происхожденіи міра съ мнимою духовностію у сектантовъ этого рода видна изъ того, что подобное ученіе въ главныхъ чертахъ своихъ сохраняется донныѣ. Наши Духоборцы (которыхъ ученіе сходно съ гностическимъ даже въ нѣкоторыхъ частностяхъ) учатъ о семъ предметѣ довольно сходно съ Гностиками; по крайней мѣрѣ нельзя не замѣтить, что основанія ученія у тѣхъ и другихъ совершенно сходны, только прикрыты другою оболочкою. См. о Духоборцахъ, сочиненіе Ореста Новицкаго.

він, не смотря на личное бытіе свое, въ существѣ своемъ суть не что иное, какъ силы и свойства самаго Бога, искони заключавшіяся въ Немъ сокровенно; они суть полнота Его бытія и силы (πλήρωμα) и самымъ именемъ (αἰῶνες, вѣка) показываютъ противоположность свою происшедшему во времени чувственному или вещественному міру.—Но, при такомъ объясненіи происхожденія Эоновъ, Гностики впадали въ двѣ противоположныя крайности; съ одной стороны—признавая Эоны за свойства и силы существа Божія, несправедливо отдѣляли ихъ отъ Бога, какъ существа личныя, а съ другой—признавая ихъ за существа личныя, составляющія полноту бытія Божественнаго, нечестиво усвоили Богу свойственное матеріи разложеніе. Въ такую же ошибку, или еще болѣе грубую, впади они при объясненіи происхожденія чувственнаго міра,—гдѣ они, какъ бы уже по необходимости, должны были приписать вѣчному то, что можно сказать только о временномъ, и духу усвоить то, что прилично матеріи. По ихъ представленію, рядъ Эоновъ чѣмъ далѣе отдалается отъ первоначальнаго источника своего, высочайшаго Бога, тѣмъ становился слабѣе и ближе по свойствамъ своимъ къ существамъ чувственнаго міра. Такъ они хотѣли объяснить переходъ отъ духовнаго къ чувственному, отъ невещественнаго

къ матеріальному. Но изъ духовнаго никогда не можетъ произойти чувственное, вещественное, какъ бы далеко ни простирался рядъ истеченій. Потому большая часть изъ нихъ находили нужнымъ допустить, что основа чувственного міра,—матерія, не сотворенна и вѣчна. Такимъ образомъ одному вѣчному существу, Богу, они противопоставляли другое вѣчное, слѣдовательно равно независимое и равно безконечное, существо—матерію, или вещество видимаго міра. *Матерія* (*ύλη*), по ученію Египетскихъ гностиковъ, есть пустота (*κένωμα, κενόν*), въ противоположность полнотѣ божественной жизни (*πλήρωμα*),—тма или тѣнь, въ противоположность свѣту. Образование или превращеніе этой пустоты или тмы въ видимый нами міръ совершилось, по ихъ ученію, слѣдующимъ образомъ. Когда произошелъ послѣдній Эонъ, который съ высочайшимъ существомъ связывался слишкомъ слабою связію, онъ не могъ болѣе держаться въ цѣпи прочихъ Эоновъ и потому ниспалъ изъ міра Эоновъ въ Хаосъ или матерію. Эта лѣтрасль божественной жизни, ниспадшая въ матерію, сдѣлалась душою міра, и—въ слѣдъ за тѣмъ изъ смѣшенія духовнаго существа съ матеріею началось образованіе видимаго нами міра, отдѣльно отъ духовнаго міра Эоновъ. Образователемъ міра при этомъ смѣшеніи духовнаго

начала съ матеріальнымъ былъ особый, отличный отъ высочайшаго Бога, Эонъ *Диміургъ* (*δημιουργος*). Онъ самъ произошелъ изъ смѣшенія духовнаго съ чувственнымъ или матеріальнымъ и при образованіи видимаго міра безсознательно водился высшими идеями, которыя внушалъ ему, не замѣтно для него самого, высній Эонъ — *премудрость* (*σοφία*). Но, доселѣ мертвая, матерія, получивши жизнь, становится началомъ зла, враждебно противоборствующимъ всему доброму.—Такимъ образомъ причина зла въ мірѣ, по ученію Гностиковъ, заключается не въ злоупотребленіи свободы существъ разумныхъ, а въ свойствѣ матеріи, какъ необходимая принадлежность ея, послѣ того какъ получила она свойственную ей жизнь. Сирскіе гностики, напротивъ, признавали искони существовавшее царство зла или тмы, которое вторженіемъ своимъ въ царство свѣта произвело существующее въ мірѣ смѣшеніе свѣта и тмы, божественнаго и небожественнаго.—Полагая причину зла не въ твореніи существа высочайшаго, Бога, Гностики думали тѣмъ отстранить мнимыя нареканія на Его святость. Они не хотѣли понять, что поущеніе со стороны Бога существу свободному уклоняться отъ Его воли не противорѣчитъ святости Божіей, а напротивъ есть прямое слѣдствіе самаго дарованія ему свободы. Но избѣгая мнимаго оскорб-

ленія святости Божіей, они на самомъ дѣлѣ приписывали Богу дѣйствительное несовершенство, ограниченность могущества, поелику признавали отрѣшенное зло и пезависимое, самостоятельное основаніе бытія его внѣ творенія Божія,—отрицали и свободу существъ разумныхъ, потому что причину зла предполагали внѣ ихъ самихъ и зло дѣлали чѣмъ-то самостоятельнымъ, дѣйствующимъ съ необходимостію. Гордость мнимо-духовныхъ людей не хотѣла сознать, что причиною зла самъ духъ человека, его свободная воля, а хотѣла извинить грѣховную жизнь, отнесши причину зла къ чему-то внѣшнему, къ свойству матеріи.

Человѣкъ, по ученію Гностиковъ, по существу своему вообще выше всѣхъ тварей, составляющихъ видимый міръ. Онъ состоитъ изъ трехъ существенныхъ частей: *духа* (*πνεῦμα*), божественнаго начала жизни, частицы существа Божія, *Эона*, истекшаго изъ Него прежде происхожденія міра; *души* (*ψυχή*), такой, какая находится у всѣхъ животныхъ, и *тѣла* (*σῶμα*), которое, по матеріальной природѣ своей, есть злотворная темница духа, узы, связующія его въ стремленіи къ высшему міру и насильственно влекущія долу. Но между людьми есть существенное различіе, смотря по тому, какая изъ составныхъ частей ихъ существа есть въ нихъ преобладающая. Гностики дѣлили весь

Отд. IV.

родъ человѣческой на три разряда: на людей **духовныхъ** (*πνευματικοὶ*), въ которыхъ преобладающее начало есть духъ, Эонъ, частица божества; на **душевныхъ** (*ψυχικοὶ*), въ которыхъ преобладаетъ животная душа, и на **матеріальныхъ** или **вещественныхъ** (*ὕλικοὶ*), въ которыхъ господствуетъ злое матеріальное начало тѣла. Къ первому разряду принадлежатъ тѣ, которые обладаютъ истиннымъ **вѣдѣніемъ** (*γνώσις*), исключительною принадлежностію духа, —каковыми Гностики признавали самихъ себя; ко второму—люди, **водящіеся вѣрою**, къ которой способна душа,—каковы Христиане, остающіеся внѣ общества Гностиковъ; къ третьему разряду принадлежатъ люди, не имѣющіе ни вѣдѣнія, ни вѣры, каковы упорствующіе въ языческомъ суевѣріи. Такъ какъ основаніе такого раздѣленія людей заключается въ различіи существенныхъ свойствъ ихъ, то переходъ изъ одного разряда въ другой существенно не возможенъ.—Такъ гордый Гностикъ не хотѣлъ довольствоваться присвоеніемъ себѣ особеннаго вѣдѣнія, приобретаемаго чрезъ собственныя усилія; онъ хотѣлъ, чтобы считали его единственно мудрымъ по свойству самой его природы.

Гностики вѣрили, что духъ человѣческой, не смотря на различіе природы людей, никогда не переставалъ и не перестанетъ стремиться

въ ту премірную область, изъ которой ниспалъ чрезъ погруженіе въ матерію (17). Но до времени люди должны были оставаться подъ владычествомъ Диміурга, образователя міра и Бога Іудейскаго. По ученію Египетскихъ гностиковъ, принимавшихъ Ветхій Завѣтъ, самъ Диміургъ руководилъ людей къ небесному отечеству чрезъ сообщеніе имъ высшей премудрости и въ особенности познанія о ихъ божественномъ происхожденіи; только, какъ прежде міръ образованъ имъ по высшимъ идеямъ, бессознательно, такъ и теперь по своей ограниченной природѣ онъ не понималъ идей, которыя чрезъ него сообщала людямъ небесная премудрость (*σοφία*); онъ поставлялъ Первосвященниковъ, Царей и Пророковъ и чрезъ нихъ руководилъ людей къ тому въ-

(17) Первороднаго грѣха Гностики, какъ и наши Духоборцы, вообще не признавали. Духъ человѣка до образованія міра палъ въ самомъ ниспаденіи духовнаго начала въ матерію. Сатуриниъ и Василидъ яенѣ и совершенно согласно съ Духоборцами учили, что человѣческія души существовали и пали еще до соединенія ихъ съ тѣлами и что Богъ послалъ ихъ въ наказаніе въ міръ сей. Наконецъ Оэиты въ описанномъ въ Книгѣ Бытія грѣхопаденіи первыхъ людей видѣли (подобно новѣйшимъ философомъ), не источникъ растлѣнія естества человѣческаго, а начало развитія сознанія въ человѣкѣ. Посему они чтли змія (*ὄφις*,—откуда происходитъ и самое названіе ихъ Оэиты), который, по ихъ мнѣнію, въ этомъ случаѣ послужилъ орудіемъ небеснаго Эона—премудрости (*σοφία*).

дѣнію, котораго не имѣлъ самъ. Сирскіе гностики, вообще отвергавшіе Ветхій Завѣтъ, напротивъ, признавали Диміурга враждебнымъ властителемъ людей, который цѣлю господства своего надъ ними поставлялъ то, чтобы не дать имъ сознать своего божественнаго происхожденія. Такимъ образомъ здѣсь ложь доходила до послѣднихъ предѣловъ: Ветхій Завѣтъ явно признавался устроениемъ враждебнымъ и гибельнымъ для человѣка.—Чтобы сообщить людямъ ясное познаніе о божественномъ происхожденіи ихъ духовной природы и чрезъ то возбудить въ нихъ стремленіе въ высшій міръ Эоновъ, пришелъ на землю Искупитель. Духовная гордыня Гностиковъ не хотѣла признать духовнаго растлѣнія, которому подвергся самый духъ человѣка чрезъ грѣхонадепіе и отъ котораго искупилъ насъ Господь, бывшихъ чадъ гнѣва. Ноставляя цѣль жизни не во всецѣломъ преданіи себя Господу при смиренномъ сознаніи своего ничтожества и грѣховнаго растлѣнія, а въ гордомъ сознаніи высокаго достоинства своего духа они самое искупленіе сдѣлали только средствомъ къ насыщенію гордости, чрезъ раскрытіе божественнаго достоинства духа.—*Спаситель* (*σῶτήρ*), по согласному ученію всѣхъ Гностиковъ, не есть Самъ высочайшій Богъ, а только сила

или истечение Божества, высшій Эонъ (18). Но въ сужденіяхъ о лицѣ Его, какъ открылся Онъ міру, Гностики значительно расходятся между собою. Симонъ волхвъ и ученикъ его Менаандръ, древнѣйшіе гностики, самихъ себя богохульно выдавали за Христа-Спасителя. Симонъ воспользовался вѣрою своихъ соотечественниковъ Самарянъ, что онъ есть *сила Божія великая* (Дѣян. 8, 10), и объявилъ себя божествомъ или истеченіемъ божества, принявшимъ призрачную плоть человѣческую. Такимъ образомъ это были первые лжехристы (19), дерзнувшіе приписать себѣ божеское достоинство. Другіе Гностики хотя не выдавали столь богохульно самихъ себя за Христа, однако жъ также нечестиво судили о Божественномъ лицѣ Его. Такъ какъ Гностики міръ духовный и вещественный различаютъ между собою до

(18) По особенному значенію у Гностиковъ вѣдѣнія, Эонъ этотъ у многихъ изъ нихъ называется *премудростію* (*σοφία*). Такое же названіе по преимуществу уеволяютъ Христу и наши Духоборцы, такъ же, какъ мы замѣтили прежде, принадлежащіе къ поборникамъ лжеименнаго разума (вѣдѣнія). Сверхъ того, подобно Гностикамъ, они не признаютъ и личнаго бытія Его.

(19) Но они едвали были и неединственные лжехристы до самыхъ новѣйшихъ временъ. По крайней мѣрѣ въ еретическомъ смыслѣ, то есть, съ убѣжденіемъ въ продолжающіеся воплощенія Божества только въ новѣйшее время нѣкоторые учителя Хлыстовъ стали выдавать себя за христовъ или богочеловѣковъ, по временамъ чудесно рождающихся отъ Св. Духа.

противоположности, то они не могли, безъ противорѣчія себѣ, признать и во Христѣ личнаго единенія Божества и человѣчества. Египетскіе гностики, допуская, подобно Иудействующимъ, дѣйствительность человѣческой природы во Христѣ, раздѣляли Его Самого на два Христа, высшаго и низшаго, небснаго и земнаго. *Небесный Христосъ* (*ὁ ἄνω Χριστός*) сошелъ на *земнаго* (*ὁ κάτω Χριστός*) во время крещенія послѣдняго на Иорданѣ, для того только, чтобы употребить Его орудіемъ для наученія людей, и послѣ, предъ страданіемъ, снова оставилъ Его и вознесся на небо. Сирскіе гностики, напротивъ, совершенно отвергали дѣйствительность человѣчества во Христѣ и думали, что Онъ имѣлъ только видъ тѣла и одинъ призракъ его, чтобы имѣть возможность входить въ общеніе съ плотскими людьми. Прекрасно замѣчаетъ на это одинъ ученый Христіанинъ первенствующей Церкви ⁽²⁰⁾, что всѣ эти мечты служатъ только къ тому, чтобы, отказавши Иисусу Христу въ нашей плоти, тѣмъ лишить насъ надежды на спасеніе. Ибо Христосъ для того и принялъ нашу плоть, чтобы доставить намъ спасеніе въ нашей плоти.

Допуская, что духъ во всѣхъ людяхъ стремится въ премірную область, Гностики однако

(20) Тертуліанъ, противъ Валентиніанъ статья 20. гл. 26. по переводу Карнеева. Санктпетербургъ. 1850 г.

достиженіе ея , чрезъ самое искушеніе , усвоили только себѣ самимъ. Они говорили , что хотя ученіе , возвѣщенное на землѣ Христомъ , могло быть сообщено всѣмъ людямъ , потому что всѣ имѣютъ слухъ , чтобы слушать подобнаго имъ человѣка , однако не всѣ могутъ принять ученіе , проповѣданное Христомъ всѣмъ людямъ. Люди *вещественные* совершенно не способны по своей природѣ возвышаться до уразумѣнія ученія Христова; всѣ дѣйствія ихъ зависятъ отъ впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ; они подчинены всѣмъ переменамъ тѣла и при концѣ жизни должны испытать жребій , общій съ неразумными животными , или переселиться въ различныхъ животныхъ , которымъ подражали въ жизни. Люди *душевные* хотя не лишены способности мыслить и рассуждать по заключеніямъ; но и они не могутъ возвыситься надъ впечатлѣніями чувствъ до разумѣнія высшаго духовнаго міра; посему , не смотря на свою вѣру , по смерти и они достигнутъ не далѣе планетнаго царства , надъ которымъ господствуетъ Деміургъ. Истинное вѣдѣніе духовнаго міра , сообщенное людямъ Искупителемъ , досталось однимъ *духовнымъ* , Гностикамъ. Возвысившись надъ обольщеніями чувственности и погружаясь въ созерцаніе чисто духовнаго , они никогда не теряютъ изъ виду своего происхожденія и своего значенія ; ихъ

взоръ не приковывается ни къ чему вещественному и они сами дѣлаются еще здѣсь на землѣ цвещественными, невидимыми, равными Самому Христу и даже высшими Его и способными творить чудеса и господствовать надъ Ангелами ⁽²¹⁾; по смерти же они свободно пройдутъ чрезъ области планетнаго царства въ высшее царство духовъ, тамъ погрузятся въ созерцаніе вѣчной премудрости, или, выражаясь ихъ образнымъ языкомъ, примутъ участіе въ торжествѣ брака премудрости (*σοφία*) со Христомъ, и сами сочетаются духовнымъ бракомъ съ высшими духами—Эонами (*οὐρανοὶ*) ⁽²²⁾.—Итакъ гордость Гностиковъ не хотѣла признать, что Христіанство дано всѣмъ людямъ и что всѣ люди способны принять его, на какой

(21) Невольно припоминаются при этомъ подобныя, метивно сатанинскіе, отзывы о себѣ нашихъ Духоборцевъ и Хлыстовъ. «Онъ Сынъ Божій, говорятъ Мелитопольскіе Духоборцы о Христѣ, но въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и мы называемся сынами Божиими (собственное названіе Духоборцевъ). Наши старики знаютъ еще болѣе, нежели Христосъ: спросите ихъ.» (Отеч. Зап. Свинина за 1828 г. ч. XXXIII. стр. 48.) Духоборецъ Иларіонъ Побирохинъ считалъ себя будущимъ судіею вселенной. У Хлыстовъ, кромѣ лжехристовъ, есть еще учителя и учительницы, называющіе себя пророками, пророчицами и даже богородицами.

(22) Воскресеніе мертвыхъ, послѣ котораго должно начаться полное блаженство праведныхъ, Гностики вообще не признаютъ, согласно съ болшею частію мнимо-духовныхъ сектантовъ.

бы степені умственнаго совершенства они ни стояли. *Буяя міра избра Богъ*, говоритъ Апостолъ, *да премудрыя посрамитъ* (1 Кор. 1, 27). *Христосъ бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (30). Гностики не хотѣли допустить, что просвѣщающая благодать Божія всѣмъ людямъ можетъ дать истинное Боговѣдѣніе и что безъ просвѣщенія благодати никакими усиліями самаго совершеннаго ума нельзя достигнуть спасительнаго вѣдѣнія.

Гордость Гностиковъ, считавшихъ совершенство неотъемлемымъ своимъ достояніемъ (по свойству самой природы), уничтожая тѣмъ дѣло искупленія, съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожала и самую нравственность. Если всѣ совершенства духовнаго суть необходимое слѣдствіе духовныхъ свойствъ его природы, то нѣтъ мѣста свободной, нравственной дѣятельности человѣка; онъ дѣлаетъ только то, къ чему по естественной необходимости, а не по свободѣ, влечется силою духа, этого небеснаго дѣятеля въ его жизни. Борьбы со страстями, въ собственномъ смыслѣ, Гностики не признавали. Духъ, какъ частица Божества, по ихъ мнѣнію, самъ по себѣ не причастенъ ни какимъ страстямъ (23); основа всякаго грѣха въ тѣлѣ, ко-

(23) Не зная духовнаго смиренія, Гностики не умѣли понять и главной страсти духа-гордости.

торое, будучи грѣховно по существу своему, не подлежитъ исправленію или усовершенствованію. Потому вся нравственность Гностика главнымъ образомъ состояла въ вѣдѣніи или созерцаніи, дѣятельности ума, или, вѣрнѣе, воображенія; и—эта самая дѣятельность обращена была только на то, чтобы уразумѣть тайны міра духовнаго, въ частности—божественную высоту собственнаго духа—главный предметъ его гордости. Въ вѣдѣніи заключается у него основа спасенія; къ усовершенствованію вѣдѣнія направлены и всѣ его дѣйствія. Чтобы очистить духъ, омраченный чрезъ заключеніе въ матеріальное тѣло, и сдѣлать его болѣе способнымъ къ высшимъ созерцаніямъ, большая часть Гностиковъ съ презорствомъ сокрушали свое тѣло,—эту мнимую, злотворную темницу духа. Въ этой мысли послѣдователи Сатурнина, по свидѣтельству св. Иринея, навсегда отказывались отъ мясной пищи и вообще были до того воздержны, что своимъ воздержаніемъ обольщали православныхъ (24). Маркіонъ убѣждалъ избѣгать всѣхъ земныхъ удовольствій, умерщвлять плоть многими постами, воздерживаться отъ мяснаго и особенно жить въ безбрачномъ состояніи; кто не могъ вести безбрачной жизни, того онъ

(24) Книг. 1. гл. 24.

не допускалъ къ крещенію, оставляя умирать безъ крещенія, въ чинѣ оглашенныхъ. Нѣкоторые изъ Гностиковъ въ ложномъ аскетизмѣ своемъ доходили до того, что смотрѣли на бракъ, какъ на дѣло сатаны, служащее къ тому, чтобы божественные лучи духа разсѣвать, чрезъ рожденіе, между многими и тѣмъ препятствовать скорому возвращенію его въ духовный міръ.—Гностики не хотѣли признать, что тѣло есть существенная и естественная часть человѣка, по премудрому устройенію Самого Бога, и вмѣстѣ съ духомъ назначена для вѣчной жизни и блаженства; посему умерщвляли его не съ любовію отца, наказующаго непослушнаго сына, а съ презорствомъ деспота, убивающаго презрѣннаго раба.

Но ложно обуздываемыя страсти рано или поздно должны были взять верхъ надъ холодными началами ума; а при шаткости основаній, на которыхъ утверждалась аскетика Гностиковъ, могли дать и совершенно противоположное направленіе ихъ дѣятельности. Такъ дѣйствительно и было. Не говоримъ о тѣхъ немногихъ Гностикахъ (Борборитахъ или Фибіонитахъ), которые вмѣсто превозношенія совершенствами духа отреклись отъ самаго бытія въ себѣ духа, считая человѣка не выше другихъ животныхъ;—самые тѣ изъ Гностиковъ, которые любили хвалиться совершенствами духа, оскверняли се-

бя постыдными страстями, подъ предлогомъ достиженія большаго вѣдѣнія. Вотъ что говоритъ у Климента Александрійскаго одинъ гностическій Епископъ въ оправданіе такихъ дѣйствій: «гностикъ, мудрый, долженъ знать все. Какая заслуга воздерживаться отъ вещи, которой не знаешь? Заслуга состоитъ не въ томъ, чтобы отказываться отъ похотей, но пользоваться ими, какъ господину, чтобы владычествовать надъ любострастіемъ, если оно овладѣетъ нами; я съ своей стороны дѣлаю изъ него такое употребленіе: обнимаю его, чтобы задушить его (25).» Такъ прикрываетъ свои страсти гордый развратникъ, который не хочетъ внутренно сознаться въ своемъ нравственномъ безсиліи! Такие люди поставляли даже нѣкоторое величіе въ томъ, чтобы предаваться всѣмъ страстямъ, не возмущаясь никакою страстію, то есть, ни сколько не сознавая или не чувствуя гнусности ни какой страсти. Слишкомъ надымаясь мнимыми совершенствами своего духа, они утверждали, что все внѣшнее ровно ничего не значитъ для ихъ внутренняго человѣка; и вообще по внѣшнему человѣку они могутъ служить всѣмъ страстямъ невозбранно, лишь бы внутренній не возмущалъ

(25) Стромат. кн. II. стр. 411.—Подобнымъ же образомъ извиняютъ свои развратныя дѣйствія наши Хлысты. «Мы, говорятъ они, приняли плоть и творимъ плотское, чтобы грѣхомъ грѣхъ истребить.»

ея въ безмолвіи своихъ созерцаній. Тотъ только долженъ бояться нравственнаго оскверненія отъ похоти, кто не имѣеть такой крѣпости духа, чтобы, при самомъ служеніи плоти, не возмущаться ничѣмъ, какъ нечистымъ. Климентъ Александрійскій свидѣтельствуеть о Василидіанахъ, что они предавались разврату въ той увѣренности, что имѣють на то право по причинѣ своего совершенства, и что они будутъ блаженны, хотя бы и грѣшили, «поелику принадлежать къ естеству избранныхъ (26)». «Только малыя стоячія болота, говорили они, могутъ оскверняться, если влить въ нихъ что-нибудь смрадное, но не океанъ, который все принимаетъ, поелику знаетъ свое величіе. Такъ и малые люди преодолеваются пищею; но кто—океанъ силы или власти (27), тотъ все воспринимаетъ въ себя и ничѣмъ не оскверняется (28).» Такъ странно оправдывала себя самообольщенная гордость, открыто выдавая себя за океанъ силы и власти!—Наконецъ, были Гностики, которые презорство къ нравственнымъ законамъ считали даже служеніемъ самому Богу. Почитая міръ произведеніемъ несовершеннаго, низшаго Божества, они думали, что будутъ поступать по законамъ истиннаго высочай-

(26) Стромат. кн. III. стр. 387.

(27) Здѣсь видѣнъ явный намекъ на 1. Кор. 8,9. 6,12.

(28) Порфирій, о воздержаніи плоти кн 1. § 40.

шаго Бога, если станутъ презирать всѣ законы физической и нравственной природы. Карпократіане, на примѣръ, говорили, что законы всегда имѣли цѣлю оградить собственность, но чрезъ это извращали только истинный первоначальный законъ высочайшаго Бога,—законъ общенія со всѣми во всемъ,—въ обладаніи имуществомъ и даже женами. Такіе Гностики презрѣніе къ Ангеламъ, считавшимся у нихъ творцами подлуннаго міра, почитали высшею степенью совершенства и думали, что душа, возвысившаяся до такого совершенства, получитъ силу творить то же, что творилъ Христосъ и сдѣлается подобна ему, и даже возвысится и надъ Нимъ, ибо будетъ повелѣвать духами, творцами видимаго міра, какъ и всѣмъ тѣмъ, что находится въ семъ мірѣ (29). Сіи-то люди хвалились своимъ благоговѣніемъ къ Каину, Хаму, Іудѣ предателю и ко всѣмъ тѣмъ, о нечестіи и отверженіи которыхъ извѣстно изъ Св. Писанія!—Вотъ въ какую бездну зла поведо гордое притязаніе на мнимо-духовное Христіанское совершенство, пренебрегающее всѣми необходимыми ограниченіями спасительной законности!

Признавая свое мнимое вѣдѣніе высшимъ совершенствомъ человѣка, гностики большею

(29) Ирин. Кн. 1. гл. 25.

частію отвергали всѣ богоучрежденныя, благодатныя средства къ Христіанской жизни. Совершенное искупленіе, говорили они, состоитъ въ одномъ вѣдѣніи неизреченнаго божественнаго величія ⁽³⁰⁾. Посему таинство Крещенія было для нихъ только символомъ искупленія, совершающагося чрезъ вѣдѣніе ⁽³¹⁾. Таинство Евхаристіи унижали они по самому понятію своему о плоти Христовой. Сверхъ того, одни изъ Гностиковъ отвергали его, приписывая установленіе его нѣкому народному Богу Іудейскому; другіе, хотя и совершали, но въ присутствіи оглашенныхъ, какъ одно обрядовое (по ихъ выраженію, экзотерическое) богослуженное дѣйствіе. Приобщеніе, по мнѣнію сихъ послѣднихъ, было только символомъ таинственнаго единенія человѣка съ Эономъ, съ которымъ онъ нѣкогда долженъ соединиться въ царствѣ духовъ. Но и вообще совершеніе обрядовъ Богослуженія, въ глазахъ Гностиковъ, было ниже ихъ духовнаго состоянія, а по понятію ихъ о всемъ чувственномъ обрядовое Богослуженіе казалось имъ даже противнымъ и самому богопочтенію. Св. Иринеи свидѣтельствуется, что они считали униженіемъ божественныхъ, сверхъ естественныхъ предметовъ, если

(30) Ирин. Ки. I. гл. 21. § 4.

(31) Тамъ же.

представляли ихъ въ чувственныхъ, преходящихъ образахъ, какъ это бываетъ въ наружномъ Богослуженіи (32). Они не хотѣли признать творцемъ духовнаго и чувственнаго міра одного и того же Бога и отъ этого не хотѣли понять и того, что духовное и чувственное въ человѣческой жизни назначены для взаимнаго поддержанія другъ друга, чувственное для служенія духовному, духовное для возвышенія и благоустроенія чувственнаго. Тертуліанъ писалъ о Гностикахъ, что они ищутъ простоты къ униженію благочестія, о которомъ нашу заботливость почитаютъ прелестію (33). Маркіонъ смотрѣлъ на церковную обрядность, какъ на обновленіе Іудейства, изгнаннаго Христіанствомъ. Равнымъ образомъ Птолемей, ученикъ Валентина, поражая Іудейскую привязанность къ буквѣ обрядоваго закона, считалъ несвойственною духу Христіанства всякую законность въ обрядовомъ Богослуженіи. Многіе изъ Гностиковъ, отвергая Іудейство, и въ самомъ Христіанствѣ отвергали все то, что перешло въ него изъ Ветхаго Завѣта, или сколько нибудь похоже было на что нибудь Ветхозавѣтное. Не признавая существенной связи Христіанства съ истиннымъ Іудействомъ, или Новаго Завѣта съ Ветхимъ, они и въ самыхъ Христіанахъ не хо-

(32) Рим. кн. 1. гл. 21 § 4.

(33) О крещеніи еретик. гл. 41.

тѣмъ видѣтъ ничего общаго съ Иудеями, ни признать общихъ духовныхъ нуждъ у тѣхъ и другихъ,—которыя естественно требуютъ и сходныхъ средствъ къ удовлетворенію ихъ.

Впрочемъ нѣкоторые и изъ Гностиковъ, вопреки главному своему направленію, старались облекать свои священнодѣйствія въ самыя пышные обряды. Это они дѣлали частію для привлеченія народа въ свою секту, а частію и по суевѣрію, также свойственному мнимо-духовнымъ, какъ и плотскимъ Христіанамъ. Особо отличалась пышностію обрядовъ секта Маркосіанъ, происшедшая отъ гностика Марка. Самъ Маркъ, для обольщенія народа, употреблялъ, при благословеніи чаши, какое-то искусство, посредствомъ котораго вино принимало цвѣтъ крови,—такъ что, какъ говоритъ св. Иринеи, всѣ жаждали пріобщиться отъ благословленной имъ чаши, чтобы въ обиліи насладиться благодати таинства (34). Крещеніе, какъ посвященіе въ тайны вѣдѣнія, для той же цѣли, совершалось нѣкоторыми Гностиками съ большею торжественностію, чѣмъ Православными, и притомъ по нѣскольку разъ надъ каждымъ, при всякомъ вступленіи въ новый, высшій классъ Гностиковъ. Къ этому у Валентианъ присоединялось еще *возложеніе рукъ*

(34) Кн. 1. гл. 13. § 2.

(χειροθεσία), совершавшееся, по ихъ выраженію, εις λύτρωσιν ἀγγελικὴν, то есть, для искупленія, которое должно соединить духовнаго съ высшимъ духомъ или Ангеломъ (σύζυγος) въ таинственный брачный союзъ (35). Наконецъ, у нѣкоторыхъ изъ Гностиковъ былъ еще обрядъ, соответствующій таинству Елеосвященія и совершавшійся чрезъ помазаніе больного елеемъ, смѣшаннымъ съ водою. Дѣйствіе сего обряда также называлось ἀπολύτρωσις и состояло въ охраненіи помазаннаго по смерти, во время прохожденія его по областямъ Димиурга и его Ангеловъ (36).

Совершителями таинствъ у Гностиковъ были не одни Епископы и Священники, но также міряне и даже простыя женщины; требовалось только, чтобы они принадлежали къ разряду людей духовныхъ,—ибо это качество давало у нихъ право на всѣ священнодѣйствія. Такъ, отвергнувъ или извративши истинное значеніе св. Таинствъ, Гностики отняли и у самой Иерархіи Богомъ дарованныя ей права,—которыя присвоили себѣ люди неосвященные, но имѣвшіе дерзость выдавать себя за особенныхъ избранниковъ Духа Божія.

(35) Стромат. кн. II. стр. 409.

(36) Ирри. кн. I. гл. 21.

Источникомъ вѣроученія для большей части Гностиковъ служило какое-то *тайное преданіе*, въ которомъ будто сообщалось имъ ученіе, высшее того, какое содержится въ книгахъ св. Писанія. Какъ посвященные въ тайны высшаго вѣдѣнія, они, по ихъ увѣренію, владѣли высшимъ Евангеліемъ, отличнымъ отъ того, какимъ пользовались люди душевные. Это тайное ученіе или Евангеліе они произвели отъ Апостоловъ, которые будто сообщили его нѣкоторымъ избраннымъ, способнымъ сохранить и предать его другимъ, подобнымъ имъ людямъ. Посему между ними ходило много подложныхъ Евангелій, дѣяній и посланій Апостольскихъ, книгъ Ветхозавѣтныхъ Патріарховъ и Пророковъ, иногда вовсе не извѣстныхъ (37).—Но безстыдство еретиковъ, дерзавшихъ свое лжеученіе приписывать самимъ Апостоламъ, тѣмъ очевиднѣе было, чѣмъ извѣстнѣе было тогда истинное Апостольское преданіе. «Мы, говорилъ св. Иринеи (38), въ обличеніе такого безстыдства еретиковъ, мы можемъ наименовать тѣхъ, которыхъ Апостолы поставили Церквамъ Епископами, и преемниковъ ихъ даже до насъ, кои ничему такому не

(37) Напримѣръ, Пророка Пархора.

(38) Св. Иринеи самъ былъ ученикъ св. Поликарпа Смирнскаго, ученика св. Евангелиста Іоанна Богослова.

учили, и ничего такого не знали, что вымышляютъ еретики. Ибо если бы Апостолы знали такія сокровенныя тайны, которыя открывали только совершеннымъ, а не и всѣмъ другимъ: то скорѣе всего они сообщили бы эти тайны лицамъ, которымъ поручали Церкви: поелику Апостолы хотѣли, чтобы тѣ, которыхъ они оставляли своими преемниками, передавая имъ собственное служеніе учительства, были весьма совершенны и неукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ (39).» — Другіе Гностики, по видимому, отвергая всякое преданіе, какъ церковное, такъ и тайное, и держась одного Писанія, позволяли себѣ столь дерзкую критику его, какую едва ли можно найти у самыхъ новѣйшихъ раціоналистовъ. Своеволіе Гностиковъ въ этомъ отношеніи было тѣмъ неограниченнѣе, чѣмъ менѣе они кого либо уважали. Они дерзко утверждали, что сами Апостолы не поняли ученія Христова, потому что принадлежали къ разряду людей душевныхъ, или преданы были Иудейству (котораго особенно страшались Гностики). Нѣкоторые же доходили до того, что въ самыхъ словахъ Господа различали божественное и человѣческое, или, по ихъ выраженію, духовное и душевное. Посему они говорили, что духовный, то есть, гностикъ

(39) Ирин. кн. III. гл. 3.

самъ долженъ отличать въ Новозавѣтныхъ Писаніяхъ духовное отъ душевнаго. Такъ гностикъ Маркіонъ, считавшій всѣхъ Апостоловъ, кромѣ св. Павла, приверженцами Іудейства, принималъ только посланія сего Апостола и Евангеліе ученика его св. Луки; но и изъ нихъ исключилъ многое, что казалось ему похожимъ на Іудейство. Другіе также отвергали цѣлыя книги Св. Писанія, или многія мѣста изъ нихъ, которыя считали произведеніемъ людей душевныхъ. Но истиннымъ побужденіемъ къ такому своеволію для нихъ служило желаніе отстранить все, что противорѣчило ихъ ученію. Къ этой же цѣли служило у нихъ и *мнимодоуховное толкованіе Св. Писанія*, равно какъ и ссылка на *внутреннее просвѣщеніе свыше*. Объясняя Писаніе для людей душевныхъ примѣнительно къ ихъ разумѣнію, Гностики про себя толковали его совершенно въ другомъ, ложнодуховномъ или произвольно-тайнственномъ смыслѣ. О томъ, что даетъ разумѣть буквальный смыслъ Писанія, они мало заботились. Чтобы открыть мысль, сокрытую въ словѣ, они не считали нужнымъ наблюдать необходимыя къ тому условія и съ пренебреженіемъ смотрѣли на всѣ законы мысли и слова (40). Они способны были, по словамъ св.

(40) Оригенъ называетъ этотъ способъ гностическаго толкованія *συνοικισμὸν λογικῶν*. Филокалія гл. 14.

Иринея, изъ высокаго описанія Царя сдѣлать образъ лисицы или пса и при этомъ дерзко увѣрять, что это есть истинный образъ Царя ⁽⁴¹⁾. Они были также твердо увѣрены во внутреннемъ просвѣщеніи своей духовной природы, чрезъ которое будто сообщались имъ непосредственныя откровенія, высшія всякаго сомнѣнія. Ибо кромѣ духовнаго сѣмени, насажденнаго, по ихъ мнѣнію, въ самой природѣ ихъ, они, какъ сами старались увѣрять, получали еще новыя откровенія тайнъ чрезъ особенныя изліявія небесной премудрости (софіи).—Это-то вѣдѣніе небесныхъ тайнъ составляло главный предметъ ихъ непомерной гордости. »Они, говоритъ св. Иринея о Гностикахъ, называютъ себя совершенными, такъ что съ ними никто не можетъ равняться въ величій знанія, ни самъ Павелъ, ни Петръ, ни другой какой Апостоль; они одни ввусили величіе познанія неизреченнаго могущества ⁽⁴²⁾. А если кто изъ слушающихъ станетъ имъ противорѣчить, о томъ они говорятъ: онъ не можетъ понимать истины, онъ не получилъ сѣмени отъ своей матери; и болѣе не говорятъ ему ничего, какъ плотскому челоуѣку ⁽⁴³⁾.

(41) Кн. I. гл. 8 § 1.

(42) Книг. I. гл. 13 § 6.

(43) Книг. III. гл. 15. § 2.

Заклучимъ наше изслѣдованіе о древнѣйшихъ мнимо-духовныхъ Христіанахъ словами св. Иринея, которыми онъ обличаетъ ихъ недугъ гордаго многовѣдѣнія. »Гораздо лучше и полезнѣе знать немногое и любовью уподобляться Богу, нежели въ чаду многознанія оскорблять Бога. Посему говоритъ Павелъ: *разумъ кичитъ, а любви созидаетъ* (1 Кор. 8, 1.) не такъ, какъ будто бы онъ осуждалъ здѣсь истинное знаніе о Богѣ, иначе онъ долженъ бы былъ осудить себя самого, но поелику онъ зналъ, что нѣкоторые, возгордившись своимъ знаніемъ, оставили любовь. Такимъ образомъ, какъ сказано, гораздо лучше совсѣмъ ничего не знать и не испытывать о единственной причинѣ сотвореннаго, и только вѣрить въ Бога и пребывать въ Его любви, нежели, надмившись такимъ знаніемъ, лишиться любви, которая даетъ жизнь человѣку; гораздо лучше ничего другаго не знать, кромѣ Іисуса Христа распята, нежели чрезъ тонкости и мелочныя изслѣдованія дѣлаться безбожными (44).»

(Продолженіе будетъ).

(44) Книг. II. гл. 28 § 1-2.